

Глава 1. Первая доля. [Внутри книги] Арена Асуры

Секта Меча Лянъи раскинулась на западных рубежах области Баолин, что на великом континенте Цяньюань. К востоку от её владений до самого горизонта шумело бескрайнее Лесное море Баолин — стоило налететь легкому ветерку, как зеленые кроны вздымались изумрудными волнами, точно штормовой океан. С юга к землям секты примыкало крошечное Королевство Солнца и Луны, а с северо-запада их обступали величественные, неприступные кручи горы Далинь. Места эти, благословленные самой природой, исстари славились обилием сокровищ и выдающимися талантами. Даже в бурлящем мире совершенствования, полном скрытых драконов и грозных тигров, имя Цзян Чангэ, главы Секты Меча Лянъи, гремело повсюду благодаря его непревзойденной «Ясносердечной технике меча».

Пять веков назад из глубин разлома в горе Далинь хлынули полчища тварей из Царства Демонов. Цзян Чангэ вызвался дать им отпор в одиночку. Одним-единственным взмахом меча он сокрушил легионы нечисти и запечатал проход, не позволив порождениям тьмы прорваться на континент. Этим подвигом он подарил области Баолин еще пятьсот лет мирной и процветающей жизни.

Секта Меча Лянъи

Терраса Испытания Меча

— В тени ив, под сенью сосен, расправь спину и отринь все мирские узы. Укроти буйную обезьяну разума, обуздай дикого скакуна воли, и пусть под ясной луной и свежим ветром звучат лишь речи о бессмертии... — Облаченный в лазурные одежды мужчина бережно держал в руках стопку нефритовых табличек, неспешно зачитывая строки. — Сяочжоу, понимаешь ли ты, какой смысл кроется в этих словах?

Сидящий перед ним пятилетний ребенок смешно сморщил носик. Личиком он уродился на диво пригожим: чистая румяная кожа, тонкие черты лица и ясные, бездонные глаза, точь-в-точь как у любопытного котенка.

Услышав вопрос старейшины, мальчик озадаченно надул губы:

— Наверное... это значит, что перед началом практики нужно полностью очистить разум от лишних мыслей и ни на что не отвлекаться?

— Эти строки говорят о том, — наставительно произнес лазурный наставник, — что для постижения Шагов по Облакам надобно сперва выпрямить спину, приняв безупречную позу, и обуздать метания собственного разума, дабы унять суетные помыслы.

Цзян Сяочжоу невольно выпрямился, стараясь сидеть как можно ровнее.

Мимо его ушей со свистом проносились клочья облаков и порывы яростного горного ветра. Терраса Испытания Меча венчала самую вершину пика Линъюнь, что высился на юго-западе владений секты. Вершина эта уходила так глубоко в небеса, что казалось, протяни руку — и коснешься звезд. Отсюда весь мир лежал как на ладони: бесконечные хребты, извилистые реки, суетные смертные и их ничтожные заботы казались крошечными, почти неразличимыми песчинками.

Старейшина Мин И обожал проводить уроки именно здесь. Каждое утро, в час Тигра, на самой заре, они встречали первые лучи солнца, занимаясь дыхательной практикой и медитацией, что приносило колоссальную пользу для укрепления духа.

Вот только сам Цзян Сяочжоу к подобным лишениям до сих пор не привык.

Как-то раз он прикинул в уме, что высота пика Линъюнь составляет не меньше двух тысяч метров. Терраса Испытания Меча находилась на самой круче, где воздух был разреженным, мороз пробирал до костей, а из-за низкого давления постоянно кружилась голова. Стоило просидеть так подольше, как виски начинало ломить от нехватки кислорода.

И всё же с трех лет его утро начиналось одинаково: подъем в час Быка, долгий часовой путь на вершину пешком, а затем — двухчасовая лекция старейшины на ледяном ветру.

Дело в том, что Цзян Сяочжоу был попаданцем.

В прошлой жизни он звался обыкновенным студентом, который, как и миллионы его сверстников, любил погонять в игры и полистать сетевые романы. В тот злополучный вечер он как раз читал новеллу под названием «Бог меча». Это было классическое чтиво про культивацию и прокачку.

Главный герой — сирота из какого-то захолустного царства, настрадавшийся в детстве, но одаренный редчайшей «врожденной костью меча». Разумеется, его приняли в Секту Меча Лянъи, откуда и началось его триумфальное восхождение. Хоть книга и называлась «Бог меча», автор щедро отсыпал протагонисту роялей в кустах: тот умудрялся одновременно осваивать алхимию, каллиграфию талисманов, боевые построения и даже агрономию... От такого винегрета у любого читателя зарябило бы в глазах.

Сяочжоу не спал всю ночь, пытаясь догнать онгоинг, только для того, чтобы обнаружить жестокую правду: автор забросил роман два года назад. Повествование оборвалось на самом интересном месте — легионы демонов вторглись в мир смертных, а главного героя тяжело ранил один из темных владык.

Проклиная ленивого писака на чем свет стоит, Сяочжоу в ярости выключил телефон и заснул.

А когда открыл глаза, первое, что он увидел, было лицо Цзян Чангэ. Глава секты смотрел на младенца в своих руках с таким глубоким унынием, словно держал тикающую бомбу.

Лишь спустя две недели Сяочжоу окончательно осознал, что переродился в теле единственного сына могущественного предводителя Секты Меча Лянъи.

Он оказался в самой отправной точке сюжета «Бога меча».

«Ну и дела...» — только и подумал Сяочжоу.

Хотя Цзян Чангэ и приходился ему отцом, Сяочжоу никогда не видел своей матери. Все заботы о его воспитании легли на плечи загадочного старейшины в лазурных одеждах.

Этого человека звали Мин И. На вид ему нельзя было дать больше двадцати пяти лет. Тонкие, хищно приподнятые уголки глаз-фениксов, безупречно прямой нос и вечно холодное, отчужденное выражение лица — он держался особняком и ни с кем близко не общался. Однако Цзян Чангэ относился к нему с глубочайшим почтением и безграничным доверием, именно поэтому и доверил ему своего единственного наследника.

В тот день, когда Сяочжоу исполнилось три года, старейшина Мин И безжалостно явился к нему прямо в час Быка.

К тому моменту мальчик уже два года вел беззаботную жизнь домашнего кота — спал, ел и снова спал. Он не имел ни малейшего понятия, в чем заключается великий смысл бессмертия, и лишь с чистым детским восторгом завидовал отцу и наставнику, умевшим парить среди облаков.

Приоткрыв дверь, малыш уставился в непроглядную ночную тьму. На пороге безмолвной статуей высился Мин И.

— Одевайся, — бесстрастно обронил он. — Нам пора. Опоздаем — пеняй на себя.

Мальчик растерянно посмотрел на черное небо, затем на наставника. Куда идти в такую рань?

Но лень ленивостью, а главным качеством Сяочжоу всегда была покладистость, особенно когда приказы исходили от тех, кто мог размазать его по стенке одним щелчком. Он послушно натянул халатик и последовал за старейшиной на улицу.

Мин И молча подхватил ребенка на руки. Едва слышно прошептав формулу заклинания, он призвал под ноги клубы белого тумана. Полы его лазурных одежд взметнулись, и в мгновение ока они очутились на Террасе Обсуждения Меча.

— Здесь находится Терраса Обсуждения Меча, — негромко произнес наставник. — Твой отец провел тут десятки лет в суровых тренировках, оттачивая Ясносердечный стиль меча и постигая суть нашего учения. Когда с запада хлынули полчища демонов, он одним ударом рассек пик Линъюнь и в одиночку преградил врагу путь в область Баолин. Истребив бесчисленное множество тварей, он навеки вписал свое имя в историю.

Эту легенду Сяочжоу слышал уже раз сто от каждого встречного, поэтому лишь украдкой зевнул, утирая выступившие слезинки.

— Погляди же на мир его глазами. Почувствуй то, что видел он.

С этими словами Мин И опустился на каменные плиты и погрузился в медитацию. Сяочжоу из любопытства подполз к краю террасы, заглянул вниз — и у него мгновенно подкосились колени.

Внизу зияла бездонная черная пропасть, словно пасть неведомого чудовища, готового проглотить его целиком. Ледяной ветер свистел в ушах, острыми иглами пробираясь под одежду сквозь ворот и широкие рукава. Малыш задрожал всем телом и поспешно попятился назад, поближе к медитирующему старейшине.

Сонливость накатывала волнами, а Мин И хранил молчание. Сяочжоу попробовал прикорнуть прямо на камнях, но разболелась голова от непрекращающегося сквозняка, да и дышать становилось всё труднее. Ему оставалось лишь сжаться в комочек и мелко дрожать, пытаясь согреться собственным теплом.

Он искренне не понимал, зачем наставник приволок его сюда среди ночи.

Прошел почти час. Пальцы мальчика совсем окоченели и покраснели от холода. Он уже собирался робко попросить вернуть его обратно в теплую постель, как вдруг на самом краю небосвода вспыхнула тонкая багровая полоса.

— Смотри, — тихо позвал Мин И.

Алая искра разгоралась все ярче, заполняя все вокруг мягким свечением. Тьма неохотно отступала, окрашивая небо в нежно-серые тона, а перистые облака запылали нежно-розовым пламенем. Весь пик Линъюнь словно пробуждался от глубокого сна: внизу зашелестело, заволновалось Лесное море, раскачивая изумрудные верхушки деревьев. Солнечный диск выкатился из-за горизонта в считанные мгновения, даруя замерзшему тельцу долгожданное тепло. Жизнь внизу закипела — до террасы начали доноситься отдаленные голоса учеников, их смех, звон тренировочного оружия и оживленные споры.

Всё живое пробуждалось к новому дню, впитывая тончайшую духовную энергию.

В груди Сяочжоу всколыхнулось неизведанное доселе чувство.

Он повернул голову и замер. Фигуру Мин И окутывали едва заметные струйки чистой ци. Старейшина сидел с полуприкрытыми глазами, слегка приподняв лицо к солнцу. Его кожа казалась полупрозрачной, словно резной нефрит, а весь его облик излучал такое благородство и первозданную чистоту, что затмевал саму зарю.

Сяочжоу заворуженно смотрел на него.

Именно так в его представлении и должны были выглядеть истинные бессмертные.

«Бессмертный» медленно открыл глаза и, одарив мальчика мягкой улыбкой, произнес:

— Отныне каждое утро, ровно в час Тигра, ты будешь подниматься сюда, дабы впитывать духовную силу неба и земли и практиковать Ясносердечный стиль меча.

Внутри у Сяочжоу противно екнуло. Предчувствуя недоброе, он с надеждой спросил:

— Вы... будете переносить меня, учитель?

— Ты станешь подниматься сам. Пешком.

Заставить трехлетнего ребенка просыпаться в час Быка, чтобы к часу Тигра карабкаться на двухтысячную высоту! Сяочжоу искренне надеялся, что это лишь глупая шутка.

Но Мин И шутить не любил. Каждое божье утро он неумолимо являлся будить ученика. В первый день Сяочжоу, разумеется, сдался, не одолев и трети пути. Он умолял наставника подхватить его или хотя бы позволить скатиться кубарем обратно. В конце концов, амбициями Сяочжоу никогда не страдал. Какой еще «Ясносердечный стиль меча»? Зачем так мучиться? Пусть отец заведет себе другого сына, поодареннее, делов-то!

Он прекрасно знал цену своим способностям. Не зря ведь великий Цзян Чангэ смотрел на него со скорбной миной — у мальчишки обнаружили посредственный двойной духовный корень и вдобавок ко всему абсолютно непригодные для фехтования кости.

«Корни и кости» — основа любого практика, а у него не задалось ни то, ни другое. Настоящий позор для преемника великого мастера меча.

Разумеется, Мин И не собирался облегчать ему жизнь, но и уйти не позволял. Он просто молча шел следом шаг за шагом, заставляя ребенка карабкаться вверх.

Когда Сяочжоу впервые самостоятельно добрался до Террасы Обсуждения Меча, солнце уже клонилось к закату. Багровое светило медленно тонуло в подступающей ночной мгле.

Стоявший рядом наставник тихо проронил:

— Противостояние нашего мира и Царства Демонов длится более тридцати тысяч лет. Угроза нашествия вечна, как смена дня и ночи.

«Какое дело до древних войн трехлетнему ребенку со средненькими способностями? — Сяочжоу, в прошлом обычный студент, лишь вздохнул. — Если небо решит рухнуть, пускай его держат могущественные мастера на стадии Зарождения Души. А моя хата с краю»

Словно прочитав его мысли, Мин И холодно добавил:

— Если завтра ты притащишься сюда так же поздно, я лично сброшу тебя в Бездну Демонов.

«Да ты сам, часом, не из Бездны Демонов сбежал? — Сяочжоу испуганно округлил глаза. — Ну и методы у этого святоши!»

У Сяочжоу ушло долгих два года на то, чтобы научиться взлетать на вершину аккурат к часу Тигра.

На Террасе Обсуждения Меча Мин И не мучил его сложными техниками. Вместо этого он преподавал ему базовую этику, рассказывал об устройстве мира, географии и звездах, а также обучил простейшим дыхательным техникам. Постепенно Сяочжоу втянулся в этот ритм. Более того, он начал замечать поразительные перемены: его тело обрело необычайную легкость, мышцы налились силой, а реакция и зрение обострились до предела. С такой подготовкой он, даже не зная ни одного боевого приема, легко мог прослыть великим мастером среди обычных смертных воинов.

В то утро он в очередной раз поднялся на террасу. Слово «поднялся» уже не отражало сути — мальчик взлетел по крутому склону единым стремительным росчерком, легко перепрыгивая через расщелины.

Мин И встретил его коротким заявлением:

— Сегодня мы начнем изучать Шаги по Облакам.

Сяочжоу озадаченно моргнул:

— Шаги по Облакам? Что это еще такое?

Забежав под крышу Беседки Созерцания Луны, Сяочжоу налил себе чашку ароматного чая и прихватил сладкое пирожное. Эту беседку построили на самой круче исключительно по его капризному настоянию. Легкие шелковые занавеси, колыхавшиеся от малейшего дуновения, нисколько не защищали от пронизывающего горного сквозняка, зато позволяли беспрепятственно любоваться ночным светилom.

Сибаритство и лень, укоренившиеся в самой его сути, заставляли Сяочжоу выжимать крупицы комфорта даже из суровых будней культиватора.

Голос наставника донесся сквозь колышущийся шелк:

— Особая техника перемещения. С ней ты будешь взбираться на гору чуть быстрее.

Сяочжоу с треском отдернул занавеску и возмущенно уставился на мужчину:

— И ты молчал об этом два года?!

На губах Мин И заиграла едва заметная, издевательская усмешка. Он смерил взглядом надувшегося пухлощекого карапуза:

— Мне просто нравилось смотреть, как ты, пыхтя и спотыкаясь, карабкаешься по камням.

«Терпи, Сяочжоу, терпи... — мальчик мысленно сосчитал до десяти. — Против лома нет приема»

Немного остыв, он всё же не удержался от любопытства:

— А эти Шаги позволят мне летать так же, как вы? Ну, чтобы раз — и на вершине?

Мин И одарил его снисходительным взглядом:

— Они лишь помогут тебе бегать чуточку быстрее.

«Ничего, я и это перетерплю...» — Сяочжоу послушно замолчал, пряча обиду глубоко в душе.